

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ НАУКИ

[Нугаев Р.М.](#) Проблема роста научного знания

ПРОБЛЕМЫ ЛОГИКИ И МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ

[Целищев В.В.](#) Эпистемические критерии доказательства

[Хлебалин А.В.](#) Языковые предпосылки в философии математики

[Самохвалов К.Ф.](#) Обзор аргументов против тезиса Черча

[Пальчунов Д.Е.](#) Моделирование мышления и формализация рефлексии:

I. Теоретико-модельная формализация онтологии и рефлексии

[Головко Н.В.](#) К вопросу о построении эффективного вычислимого представления

для простого абдуктивного вывода

[Ладов В.А.](#) Проблема следования правилу: поиски прямого решения

[Карогодин Ю.Н., Симанов А.Л.](#) Кризис в стратиграфии: методологические

и теоретические основания: (Вариант реализации теоретико-методологических разработок)

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

К 50-летию СО РАН

[Куперштох Н.А.](#) Сибирское отделение РАН как система научных центров

ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ

[Решетняк Ю.Г., Кутателадзе С.С.](#) Восхождение актуального нуля

[Содержание](#) журнала «Философия науки» за 2006 г.

Общие вопросы философии и истории науки

ПРОБЛЕМА РОСТА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Р.М. Нугаев

Начиная с Нового времени, с Фрэнсиса Бэкона и Исаака Ньютона прогресс научного познания ассоциируется с кумулятивным ростом «фактов», позитивных эмпирических данных о внешнем мире. «Hypothesis non fingo!» – вызывая (и не совсем обоснованно) парировал создатель классической механики на критические замечания (вполне резонные), относившиеся к закону всемирного тяготения. Они были связаны с отсутствием действительного объяснения глубоких, сущностных «причин», заставляющих весомые тела неудержимо стремиться друг к другу. (Более того, тяготение, интерпретируемое как внутреннее стремление к взаимодействию между каждой парой частиц материи, было типичным скрытым качеством, «побуждением к падению» критиковавшейся Ньютоном схоластики.)

Первым «звонком», заставившим очнуться от эмпиристской эйфории, вызванной бурным потоком классических «протокольных предложений опыта», стала квантово-релятивистская научная революция, произошедшая на рубеже XIX и XX вв. Наивные фальсификационистские попытки оправдаться за счет обращения к «критическим экспериментам» Майкельсона – Морли и Люммера – Принсгейма были быстро приостановлены исследованиями историков науки. Последовавшее обращение философов науки к систематическому анализу историко-научного материала привело к созданию

постпозитивистских моделей динамики науки, одним из свойств которых стал, увы, релятивизм. «Мы можем для большей точности отказаться здесь от дополнительного предположения, явного или неявного, что изменения парадигм ведут за собой ученых и студентов и подводят их все ближе и ближе к истине», – резюмировал бесспорный лидер этого направления американский историк, социолог и философ науки Томас Кун [1].

Повсеместное распространение постпозитивистских моделей привело к становлению постмодернистского, если так можно выразиться, «мировоззрения». Одна из хорошо известных особенностей последнего – ироническое, скептическое отношение к «Большим Нарративам» (Ж.Б. Лиотар) и обусловленное им размывание критериев научности и карнаповской демаркационной линии, отделявшей естественные науки (hard sciences) от бесстыдных и неумных спекуляций социогуманитарного знания (soft sciences). В частности, повсеместно признаваемый факт социокультурной детерминации [2] естественно-научного знания, вне всякого сомнения, сближает последнее с социальными и гуманитарными науками.

Но как «дело Сокала» [3], так и связанная с ним полемика [4] ясно свидетельствуют о том, что сами представители hard sciences отнюдь не спешат стирать грани, отличающие их область от soft sciences. Сомневающимся мы предложили бы самим попытаться объяснить естественникам суть постмодернистского подхода к структуре и динамике научного знания. Тем не менее цель данной статьи отнюдь не состоит в том, чтобы «почти с математической точностью» доказать сам факт роста научного знания или выявить, наконец, ту мистическую грань, отделяющую знание социогуманитарное от знания научного, которая, говоря словами Ларошфуко, «похожа на привидение: все о ней говорят, но никто еще ее не видел». Автор ставит перед собой гораздо более скромную задачу – попытаться ответить на следующий конкретный вопрос: *имеет ли интуитивное убеждение подавляющего большинства представителей точного естествознания в росте научного знания устойчивые основания в современной философии науки?*

Хотелось бы все-таки подчеркнуть, что проблема не столь проста, как это может показаться. Мало кто сомневается в том, что наука «прогрессирует». Не сомневается в этом и автор данной статьи, и он принимает это утверждение за очевидный историко-научный «факт», не нуждающийся в доказательстве. Современные научные теории точнее, глубже, полнее, чем теории, скажем, XIX в. Вопрос не в том, «прогрессирует» ли наука, но в том, отражается ли этот прогресс на *содержании* научных теорий?